

ЗВУКОСИМВОЛИСТСКИЕ УЗОРЫ ИМЕНИ
ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

Статья посвящена розгляду фоносемантичного аспекту стилістики роману В. Набокова «Лоліта»: виявленню семантичних ореолів заголовного імені, його контекстуальної семантики.

Ключові слова: *звукосемантика, звукосимволістські візерунки, анаграмування, семантичний ореол.*

Статья посвящена рассмотрению фоносемантического аспекта стилистики романа В. Набокова «Лолита»: выявлению семантических ореолов заглавного имени, его контекстуальной семантики.

Ключевые слова: *звукосемантика, звукосимволистские узоры, анаграммирование, семантический ореол.*

The article deals with phonosemantic aspect in V. Nabokov's «Lolita»: detection of semantic aureoles of the title name, it's contextual semantic.

Key words: *phonosemantics, phonosymbolic patterns, anagram, semantic aureole.*

В романе «Лолита», как и в других произведениях В. Набокова, поэтика имени подчиняется символистской концепции слова как единства формы и содержания, мерцания тайны сквозь словесную оболочку. В то же время процесс номинации позволяет говорить об элементах эстетики акмеизма в идиостиле Набокова: первым поэтом, в представлении акмеистов, явился Адам, устанавливающий имена всего сущего на земле, тем самым участвуя в сотворении мира. Таким образом, фигура писателя подобна теургу, создающему художественный космос. А космос, по всем канонам набоксовской космогонии, начинается с имени, которое «слишком тесно вплетается в сокровеннейшую ткань книги, чтобы его можно было изменить» [1: 11–12].

Материалом для плетения анаграмматических узоров имени героини, играющих роль «лирического обещания», служит графико-фонетическая сторона текста. «Первая маленькая звуковая пульсация Лолиты пробежала» в сознании героя задолго до воплощения его «древней мечты». Глядя на резвящихся в городском парке школьниц, Гумберт различает внутренним слухом фонетический облик ещё неизвестного ему имени: «Я растворился в солнечных пятнах, заменяя книжкой фиговый лист, между тем как ее русые локоны падали ей на поцарапанное колено, и древесная тень, которую я с нею делил, пульсировала и таяла на ее икре, сиявшей так близко от моей хамелеоновой щеки» [1: 29]. Так, в общем хоре детских голосов, постепенно выделяется мелодическая линия Лолиты, которая впоследствии получит должное образное и мотивное оформление. Аллитерационные вариации, образуемые созвучиями имени героини, сливаются в один звукосемантический лейтмотив, который несёт амбивалентную смысловую нагрузку: поэтизации и сакрализации прозаического текста.

С анаграмматическим узором Лолиты гармонирует имя Аннабеллы, как её предшественницы: «А предшественницы-то у неё **БЫЛИ**? Как же – **БЫЛИ**... *Больше скажу: и Лолиты **БЫ** не оказалось никакой, если **БЫ** я не полюбил в одно далёкое лето одну изначальную девочку. В некотором княжестве у моря (почти как у По)» [1: 15]. Анаграммирование имени Аннабель Ли сопровождается зеркальным повтором «фоносемантических фаворитов» Набокова «ли» и «бы» как иероглифов антитез: «инобытие – бытие», «искусство – ремесленничество», «поэзия – проза». Таким образом, наблюдается тенденция автора к дополнительной кодировке и семантизации языковых единиц, к поиску разнообразных способов визуального изображения тайной мечты. Помимо образных аллюзий на стихотворение «Аннабель Ли», набоковед А.В. Леденёв отмечает преемственность фоностилевых приёмов Эдгара По: «Его <Гумберта> отношения с Лолитой «рифмуются» с мотивно-тематическим комплексом и даже фонетическими особенностями творчества По... Более того, сама звуковая форма имени «предшественницы» Лолиты служит «путеводной нотой», музыкальной тональностью для изобилующего фонетическими эффектами текста» [2: 148].*

Оригинал стихотворения пронизан аллитерациями на *m*, *n*, *l*, которые попытался сохранить в поэтическом переводе Константин Бальмонт, чтобы передать сомнамбулическое настроение первоисточника. В «Лолите» звукопись выполняет не только тоническую, но и анаграмматическую функцию. Например, в одной из отсылок к поэме По: «*На фоне неба со странной ясностью так выделялось её лицо, точно от него исходило собственное слабое сияние*» [1: 22] – анаграммируется состояние **сна**, в котором пребывает лирический герой:

*И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель-Ли:
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли...*

Карл Проффер усматривает в именах Лолита и Аннабель олакрез конечных графем, что свидетельствует о реинкарнации одного образа в другом спустя 24 года после смерти Аннабеллы на греческом острове Корфу: «...*моя ривьерская любовь внимательно глянула на меня поверх тёмных очков ... Четверть века, с тех пор прожитая мной, сузилась, образовала трепещущее острие и исчезла*» [1: 53]. В этом эпизоде реализуется тематический комплекс набоковской прозы: возврат – память – палимпсест будущего на прошедшем, – получивший импульс ещё в первом романе.

Остров Корфу в свою очередь становится для Гумберта пристанищем на пути к дому, что ставит героя в один ряд с великими путешественниками античности: аргонавтами и Одиссеем. Прощаясь с Аннабеллой, автор анаграммирует имя богини **Мнемозины**, персонифицирующей Память, словно обращаясь к читателю с просьбой запомнить этот момент: «*Но эта мимозовая заросль, туман звёзд, озноб, огонь, медовая роса и моя мука остались со мной и эта девочка с наглаженными морем ногами и пламенным языком с той поры преследовала меня неотвязно...*» [1: 23]. Добавляя в коллекцию воспоминаний образ Лолиты, Гумберт использует этот «мысленный снимок» в будущем для идентификации Лолиты. Именно Лолита возвращает Гумберту – правнуку двух Дор-

сетских пасторов – не только «ривьерскую любовь», но и «солнце его младенчества». В лексеме «пастор» зашифрована набоковская формула «арлекинной природы слова»: *«В тридцать лет он <отец> женился на англичанке, дочке АЛЬПиниста Джеромма, внучке двух Дорсетских пасторов, экспертов по замысловатым предметам: палеонедологии и золотым арфам»* [1: 16]. Аллитерации на *n, c, t, p, l*, альпийская топонимика и перифразы с оттенком античности (золоты арфы; палеонедология) десемантизируют слово, сближая его с французским «pastorale» («пастушеский, сельский») – и сквозь символ послушнического аскетизма начинает просвечивать пасторальный гедонизм.

Помимо идиллической тональности повествования, эксплуатация пасторальной метажанровой модели предполагает мифологизм, а в нашем случае – неомифологизм авторского сознания, проливающий свет на нимфическую природу героини. Из всех нимф, населяющий мифический пантеон, Лолите ближе всего Лорелея – одна из Дев Рейна, которые прекрасным пением заманивали мореплавателей на скалы, как сирены в древнегреческой мифологии. От музыки немецкой романтической поэзии Лолита приобрела первый слог-шажок вниз по нёбу, а романное пространство – «скалистые» координаты, начертанные ещё на Ривьере, но со смещением пространственно-временных понятий: *«Мне бы хотелось, чтобы он <читатель> увидел эти пределы, 9 – 14, как зримые очертания (зеркальные отмели, алеющие скалы) очарованного острова, на котором водятся эти мои нимфетки и который окружён широким туманным океаном»* [1: 24].

В метафоре «туманного океана» слышится эхо фамилии героини – Haze (англ. «лёгкий туман, дымка»). Такие «туманные» намёки неоднократно мелькают на географической и звукосемантической картах романа: *«С трудом удалось уснуть на часок. Проснулся от бессмысленного и ужасно изнурительного соития с маленьким мохнатым, совершенно мне неизвестным гермафродитом. К тому времени было шесть часов утра, и мне вдруг пришло на ум, что, пожалуй, недурно приехать в лагерь раньше, чем усвоено. Мне оставалось ещё около ста миль езды, а потом предстояло добираться до Туманных Гор и Брайсланда»* [1: 144]. Хотя мотив туманности может получать иное контекстуальное наполнение и варьироваться от омута туманных глаз Лолиты: *«... что у нее с глазами, подумал я, с этими большими серыми глазами, или мы оба погружены в один и тот же заколдованный ТУМан?»* – до помутнения рассудка: *«Теперь хочу убедительно попросить читателя не издеваться надо мной и над поМУТнением моего разума»* [1: 157, 273]. И единственная незримая грань между ними – то «особое кривое зеркало», которое превращает уродин в ундиин, неток в нимфеток, чудовищное в чудесное.

В звукосемантический узор имени героини влетается измышлённое Гумбертом «своенравное прозвание» – Кармен, Карменсита – призрак, проникший из одного романного лабиринта в другой, чтобы ввести в заблуждение наивного читателя и предсказать гибель Лолиты от руки Гумберта. Хотя в романе упоминается один из авторов Кармен (Мерри Мэй, Мэриленд), Набоков мог ориентироваться и на оперу Жоржа Бизе. Автобиографическому герою «Других берегов» вспоминается мотив *««Là-bas, là-bas, dans la montagne <Туда, туда, скорее – в горы>», как пела Кармен в недавно слышанной опере»* в тот момент, когда он решается на побег с Колетт [3: 86]. Путешествуя по маршруту Гумберта и Лолиты читатель «покорит» немало горных вершин, дорог и перевалов.

Но с фоносемантической точки зрения исследователю более интересным покажется поэтическое переложение новеллы Мериме – цикл Александра Блока «Кармен» (1914).

Его открывает стихотворение-увертюра, являющее очередной безупречный образец «истекания реальности из звука»: последовательное нанизывание фоностем *кр. ми, ст* формируют фонетическую фактуру имени Карменсита и создают соответствующую атмосферу «предчувствия»:

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагромождённой туче
Вдруг полыхнёт мигнувший свет,-
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слёзы счастья душат грудь
Перед явленьем **Карменситы** [4: 420].*

Кроме того родственность Лолиты и блоковской героини подтверждается суффиксом «ита» со всей его «латинской нежностью» и следующим лирическим фрагментом:

*Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь – перламутра преливы.
Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так это лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей – червонно-красным,
И голос – рокотом забытых бурь [4: 421].*

В нём содержится квинтэссенция нимфической, «не человеческой» сущности героини – превращение прекрасного ангела в «маленького смертоносного демона». В этой «двойственной природе» сокрыт источник вдохновения Гумберта, создающего «лирическое произведение» о Лолите-Карменсите. Лирический компонент является финальным штрихом, объединяющим эти имена, ведь *Sarpen* в переводе с латинского означает «стих, песня».

Несмотря на то, что образ Лолиты написан в соавторстве с Вивиан Дамор-Блок, по всем законам набоковской прозы «надо всем и несмотря ни на что» должен значится авторский вензель. Помимо анаграммных вариаций Вивиан Дамор-Блок, Ванесса ванн Несс, Миранда Виола, в романе присутствует изящный намёк на «сирийский текст», сокрытый в топосе лиловой Гумбрии. Так, английский эквивалент лексем «сиреневый» и «сирень» – *lilac* – образует не только оттеночное, но и фонетическое созвучие псевдонима Набокова и топонима «магической географии». Линию лирических ассоциаций можно дополнить и букетом дивных лилий, на фоне которых дивная Лолита впервые является Гумберту. Интересно, что в английском наблюдается паронимазия «цветочная»: *lilac* и *lily*, а в русском – цветовая: лилового и лилейного. Но подобные «ослепительные совпадения» надлежит рассматривать в контексте цветосимволизма, что открывает новые грани для исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. Лолита: Роман / В. Набоков. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 416 с.
2. Леденёв А.В. Набоков и другие: Поэтика и стилистика Владимира Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века / А.В. Леденёв. – Москва – Ярославль, 2004. – 255с.
3. Набоков В. Другие берега: Роман / В. Набоков. – М.: АСТ, 2003. – 284 с.
4. Блок А.А. Избранные сочинения / А.А. Блок. Вступ. статья и сост. А. Туркова. – М.: Худож. лит., 1988. – 687 с.

УДК 821.161.1.-31.09+929Набоков+929Достоевский

Погорелова Д.А.
(Луганск, Украина)

ДВЕ БЕДНЫХ ДЕВОЧКИ: «ЛОЛИТА» В. В. НАБОКОВА И «КРОТКАЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Стаття присвячена порівняльному аналізу роману Набокова «Лоліта» та повісті Достоевського «Кротка». Незважаючи на заперечення Набоковим впливу попередника, зв'язок двох творів безперечний: він проявляється як у постановці проблеми, так і в її рішенні, а також у побудові системи образів, характеристиці персонажів (у тому числі, самохарактеристиці), підборі деталей, на рівні поезики.

Ключові слова: Набоков, Достоевський, художній образ, інтертекстуальні зв'язки, порівняльний аналіз.

Статья посвящена сравнительному анализу романа Набокова «Лолита» и повести Достоевского «Кроткая». Несмотря на отрицание Набоковым влияния предшественника, связь произведений очевидна: она проявляется как в постановке проблемы, так и в ее решении, а также в построении системы образов, характеристике персонажей (в том числе, самохарактеристике), подборе деталей, на уровне поэтики.

Ключевые слова: Набоков, Достоевский, художественный образ, интертекстуальные связи, сравнительный анализ.

The article deals with comparative analysis of Nabokov's novel "Lolita" and Dostoevsky's novel "A Gentle Creature". Despite Nabokov's rejection of predecessor's influence connection of two creative works is obvious: it is apparent in the statement of the problem and its decision, in images structure, characteristic of characters (including self-characteristics), selection of details, on the level of poetics.

Key words: Nabokov, Dostoevsky, image, intertextual connections, comparative analysis.